

Редакционная статья

Страна соскучилась по настоящему

Статью «Мы ничего не производим» из прошлого номера нашего журнала только на сайте «Эксперта» прочитало более 35 тысяч человек. Число читателей бумажной версии оценить трудно, ясно лишь, что их существенно больше. И это не легкое развлекательное чтение. В статье дан жесткий и трезвый анализ состояния российской индустрии и проводимой властями денежной политики, авторы приходят к выводу, что, если дела так пойдут и дальше, хозяйство страны может оказаться в доиндустриальной фазе. И этот весьма непростой текст собрал огромное количество читателей.

У нас принято считать, что современный массовый читатель не желает разбираться в сложных проблемах, у него якобы клиповое гламуризованное сознание. Поэтому для достижения рыночного успеха его надо кормить продукцией, образцы которой мы можем наблюдать в обилии, например, на основных телевизионных каналах. Такое презрительное представление о читателе (или зрителе) сродни доминирующему в медийном пространстве отношению к российской индустрии и, шире, к российскому бизнесу в целом. Все советское было никчемным, новое мы сами не создадим, одна надежда на иностранный капитал. Однако если бы те, кто делает ставку на массовую деградацию, были правы, мы бы не наблюдали сейчас огромного и массового интереса к дискуссиям о реформе образования, о денежно-кредитной или промышленной политике. Постепенно формируется внятный общественный запрос на новую повестку дня развития страны, переход от выживания к росту и модернизации. Жаркая дискуссия на организованном «Экспертом» форуме о новой индустриализации, отчет о которой мы публикуем в этом номере, при всем разбросе оценок подтвердила это ощущение.

И примеры вдохновляющей реанимации целых отраслей российской промышленности есть. В начале 2000-х, не сильно погрешив против истины, можно было констатировать клиническую смерть отечественной автомобильной промышленности. Однако прошло десять лет, и этот печальный вывод уже не актуален. Став одним из немногих объектов внятной и последовательной промышленной политики государства, автопром ожил — причем исключительно на частные деньги. С момента начала действия режима промышленной сборки в 2005 году в отрасль было вложено 7 млрд долларов, и еще порядка 5 млрд инвестиций запланированы на ближайшие три года. Создано несколько кластеров локализованной сборки иномарок. Сегодня их выпуск превышает миллион машин в год (более 40% рынка), и глубина локализации постепенно увеличивается. Даже АвтоВАЗ уже не выглядит безнадежным. Следующий шаг — переход от промсборки к собственному инжинирингу моделей. В этом смысле сохраненный научно-технический центр АвтоВАЗа — хороший задел на будущее.

Однако любой мало-мальски крупный проект в обрабатывающей промышленности на каждом шагу натывается на отсутствие самых разнообразных вещей — от простейших станков и базовых материалов до утраченных компетенций в проектировании, в особенности в инжиниринге и промышленном строительстве. Упростившаяся и одичавшая за драматичные 1990-е и так толком не восстановившаяся за тучные нулевые, хозяйственная система мстит за наплевательское отношение к собственной индустрии.

Суrowa и кадровая проблема. Не хватает не только грамотных инженеров и конструкторов, организаторов производства, но и достаточного количества минимально обученных и дисциплинированных «синих воротничков». Свежий пример: на строительстве крупного химического завода «Тобольск-Полимер» из 5,5 тыс. занятых рабочих около 2 тыс. — турки.

И здесь свой вклад в индустриализацию страны должны внести СМИ. Мы должны героизировать образ рабочего. Управлять станком с ЧПУ или башенным краном, варить сталь или делать полимеры — это гораздо круче, чем просиживать штаны в офисе. ■

Александр Ивантер, Евгения Обухова Чем пахнут ремесла

Перед Россией стоит нетривиальный вызов — застолбить место в рождающемся технологическом укладе, одновременно модернизируя отрасли старых укладов. Это невозможно осуществить без формирования неантагоничной производственному бизнесу денежно-кредитной политики. При этом даже банкирам понадобятся инженерные компетенции

«Я

просто в отчаянии. Я даже не представляла, насколько в России отсутствует понимание того, сколь серьезны проблемы с российской промышленностью. Поймите наконец, вашу страну не спасут прорывные инновации в отдельных отраслях. Вам нужно организовать фронтальный рост экономики», — не скрывала своих эмоций

Карлота Перес, почетный профессор Центра исследований научной и технологической политики Университета Сассека (Великобритания) по завершении конференции «Эксперта» «Индустриализация после 20 лет монетаризма. Кто и как ее будет осуществлять?».

Огорчение профессора вызвало отсутствие консенсуса среди докладчиков — ученых, банкиров, чиновников и предпринимателей — по вопросу, вынесенному в название форума. Более того, участники не договорились между собой и по чуть более простой проблеме — как изменить финансовую систему и политику в стране, чтобы она была более адекватной задачам активизации экономического роста. Впрочем, проект «Вернуть лидерство», в рамках которого «Эксперт» намерен проводить подобные конференции по самым острым макроэкономическим проблемам ежегодно, и не предполагает гламурного единодушия и протокольной политкорректности в духе Всекитайского совета народных представителей (да простят нас китайские товарищи). Мы предпочитаем открытое и свободное столкновение мнений и аргументов.

Стыдно ли делать тазики?

Ядром стартовой презентации «Эксперта», с которой выступил главный редактор журнала **Валерий Фадеев**, стала демонстрация шокирующих разрывов в производстве добавленной стоимости ряда отраслей обрабатывающей промышленности России и ведущих индустриальных держав мира (подробное описание наших расчетов и анализ состояния дел в промышленности см. в статье «Мы ничего не производим» в прошлом номере журнала). Причем речь идет не только об инновационно емких подотраслях обработки, но и о самых, казалось бы, традиционных —

Сергей Глазьев: «Индустриализацию надо проводить на базе новейшего технологического уклада, не пытаясь воспроизводить уклады устаревшие»

производстве красок, пластмассовых изделий, мебели. «Надо прекратить разговоры о борьбе с инфляцией, — заявил Фадеев. — Конечно, инфляция — это плохо и не надо допускать ее ухода за какие-то приемлемые границы. Но надо говорить о другом — о промышленном развитии. Десять “Сколковых” не помогут, если мы ничего не производим. “Сколково” в конце концов превратится в инструмент для экспорта мозгов и технологий, какие у нас еще остались. Экономика должна быть предельно разнообразна. Тем более в такой большой стране, как наша».

Затравка дискуссии оказалась подобна бикфордову шнуру. О приоритетах новой индустриализации горячо высказывалось большинство докладчиков.

«В России существует серьезная проблема самоидентификации и не всегда есть четкое понимание, а стоит ли нам производить столько тазиков? Может быть, имеет смысл специализироваться на чем-то более эффективном и более качественном?» — недоумевала первый вице-президент Газпромбанка **Екатерина Трофимова**.

Депозиты населения играют все меньшую роль в фондировании банков. Их место занимают средства ЦБ и Минфина, а также зарубежные займы

Валерий Фадеев: «Зачем мы сломали механизм денежного расширения, действовавший в 2000-е годы в нашей собственной стране?»

Еще более определенно высказался академик РАН **Сергей Глазьев**: «Что мы должны делать в рамках индустриализации? Опять стремиться к тому, чтобы выплавлять больше всех в мире чугуна и стали? Индустриализацию надо проводить на базе новейшего технологического уклада, не пытаясь воспроизводить уклады устаревшие. Надо учитывать негативный опыт индустриализации в СССР в 1950-е годы, когда восстановление народного хозяйства шло на базе уклада, который был сформирован в 1920–1930-е годы. Простое воспроизводство того технологического уклада повлекло за собой колоссальную материалоемкость экономики и в конечном счете снижение ее эффективности. В то время как Западная Европа и США развивались на новой длинной волне и довольно быстро опередили нас в своем технологическом развитии».

Ядро нового, шестого, уклада, в эмбриональной фазе которого, по мнению Глазьева, находится мир, — нано- и биотехнологии, гелио- и ядерная энергетика. В передовых странах это ядро нового уклада последние десять лет растет средним темпом 35% в год. Критическая масса нового уклада сформируется по достижении им 10% ВВП. «Надо делать ставку на те отрасли, которые будут определять новую длинную волну экономического роста и революционизировать все смежные сферы. Цена входа в новые отрасли растет нелинейно с течением времени. Поэтому легче “входить в волну” на ранних фазах развития, на зрелых стадиях это обойдется уже на несколько порядков дороже», — заключил академик Глазьев.

Валерий Фадеев решил заострить дискуссию: «Сергей Юрьевич, а как же нам быть с мебелью? Она будет нанотехнологичной или какой-то другой? Или нам надо забыть о производстве мебели?» Глазьев ответил изящно: «Новый технологический уклад пронизывает всю эко-

номику, включая традиционные отрасли. Есть, например, нанокраски. Добавление нанопорошка в краску позволяет поднять ее стойкость в десять раз».

Набросок своеобразного атласа отраслевых и продуктовых заделов в российской промышленности представил в своем выступлении замминистра экономического развития **Андрей Клепач**: «Я бы выделил несколько направлений, где есть возможность прорыва и где мы и сейчас имеем значительное преимущество: это программное обеспечение, особенно в связке с медицинским обеспечением; ядерные технологии; авиационная и космическая отрасль, где мы можем сделать рывок в кооперации с иностранными партнерами; автопром — сфера, в которой, как нам еще недавно казалось, мы бесконечно отстали, однако она развивается, пусть и на западных технологиях, но тем не менее вносит огромный вклад в технологическое развитие. Выживание АвтоВАЗа — это уже успех. Еще одна ниша, которая будет иметь революционное значение, — новые материалы, полиэтилен под высоким давлением, композиционные материалы, металлокерамика. Здесь мы имеем шансы в течение десяти лет вернуться на передовые позиции. Говорят, что у нас нет проектов, но проблема в другом: у нас нет дерзости, чтобы реализовывать великие проекты. В качестве примера назову Высокоскоростные железнодорожные магистрали: они интересны не просто тем, что это огромный технологический рывок — это другой образ жизни, потому что, когда время поездки из Москвы в Липецк или в Воронеж сокращается до двух-трех часов, издержки для бизнеса в глубинке радикально снижаются. Второй проект — это экранопланы, которые могут поднимать в воздух от 600 до 3 тысяч тонн грузов, совершенно новая транспортная система. Решиться на запуск такого проекта государство пока не может, потому что

Карлота Перес: «Россию не спасут прорывные инновации в отдельных отраслях. Вам нужно организовать фронтальный рост экономики»

оценки инвестиций там от 20 миллиардов долларов, но он из тех проектов, у которых есть будущее».

Выступившие на конференции промышленники вернули дискуссию с небес на грешную землю. «Общая протяженность сетей тепло-, водоснабжения и канализации в России уникальна — более 1 миллиона километров, и порядка 40 процентов этих сетей требует немедленной замены, — заявил генеральный директор группы «Полипластик» **Мирон Горюловский**. — Перевод отрасли на совершенно новый экономический и технологический уклад — единственный способ повысить эффективность вложений» (см. «Инфраструктура ЖКХ: новый уклад» в «Эксперте» № 47 за 2012 г.).

А вот как обстоят дела у нас с базовой химией. Из доклада финансового директора холдинга «Сибур» **Алексея Филипповского**: «Россия производит очень много химического сырья и экспортирует его в Европу, транспортируя по железной дороге на расстояние 4 тысячи километров. В Европе другие компании из нашего сырья делают базовые полимеры и отправляют их обратно в Россию. Только за счет двойной транспортировки цена импортируемых полимеров непомерно высока. Это ограничивает их использование в целом ряде отраслей хозяйства. Скажем, в дорожном строительстве в нашей стране полимеров используется 6 процентов, а в США — 65 процентов, в производстве кровельных материалов в России 3 процента, а в США — 70 процентов. В результате снижается эффективность целого ряда других отраслей».

«Сибур» решил кардинально изменить ситуацию, затеяв масштабный проект по собственному производству полимеров в Тобольске на базе местного сырья (путного газа). Несмотря на трудности, главная из которых — утрата компетенций строительства и инжиниринга сложных индустриальных проектов, проект

«Тобольск-Полимер» близок к завершению (репортаж с объекта читайте в материале «Предтеча пиролизной печи» в № 44 «Эксперта» за 2012 г.).

Примеры «Сибура» и «Полипластика» ясно показывают, как много в России накопилось работы с отраслями не то что шестого, и даже не пятого (ядро — информационно-коммуникационные технологии), а еще более старых технологических укладов. Их модернизация распространится на многие смежные отрасли. И общий технологический уровень отечественной экономики повысится. Так, может, не стоит брезговать «старыми» отраслями?

Однозначно положительный ответ на этот вопрос дала в своем развернутом докладе на конференции Карлота Перес: «Ключевые вопросы текущей повестки дня — что производить? В расчете на какие рынки? Как организовать производство? Итак, первый вопрос. Мы имеем три альтернативы: отрасли текущего технологического уклада, то есть сектор ИКТ; отрасли будущей технологической волны (био-, нано-, «зеленые» технологии). И наконец, отрасли прежних технологических укладов — от услуг до сельского хозяйства. Какую же альтернативу предпочесть? Правильный ответ состоит в том, что вы должны выбрать все три возможности сразу. Вы должны делать все! Хотя и с разными целями, с различным ожидаемым влиянием на занятость и доходы. ИКТ обеспечивают базовую инфраструктуру и техническую поддержку всей экономики. Отрасли будущей волны гарантируют вашу независимость, самодостаточность в будущем. «Старые» отрасли представляют собой основной источник занятости. У вас огромный внутренний рынок. Не будьте глупцами, не делайте вид, что не замечаете его. Страна, претендующая на лидерство, не может специализироваться на двух или трех продвинутых отраслях или технологиях. Она должна занимать

Яков Миркин: «Нынешние российские уровни монетизации и насыщенности кредитами не позволяют сопровождать высокий экономический рост»

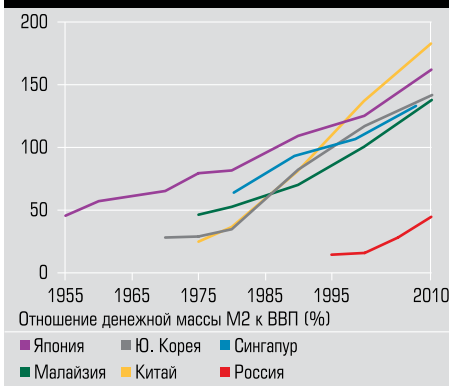
достойные позиции по широкому кругу отраслей».

Профессор Перес предостерегла и от эйфории в отношении индустриализации: «Вы учились капитализму в самый худший момент его истории — в безумную эпоху глобального финансового пузыря, который лопнул, и сейчас акцент как раз смещается к реальному производству, на которое вы разучились обращать внимание должным образом. Вы хотите быстро, как по волшебству, вернуть былое индустриальное величие? Не обольщайтесь — быстро не получится. Предстоит долгая, тяжелая, кропотливая работа по реконструкции и модернизации целых отраслей разрушенной промышленности».

Риски и ставки: что первично?

С финансовой системой в России тоже все сильно запущено. Чрезвычайно дорогие и короткие кредиты, дорогой и неудобный рынок облигаций, крайне узкий набор инструментов для финансирования реального бизнеса — все эти хронические проблемы не решаются уже много лет. Одна из причин — неадекватность политики денежных властей. Хотя у последних

Уровень монетизации экономики России существенно ниже, чем в странах, включивших режим «форсажа»

Источники: данные Я. М. Миркина, Россия — расчеты «Эксперта» по данным ЦБ РФ

Екатерина Трофимова: «Дискутировать об удешевлении кредита для реального сектора экономики без удешевления ресурсов для банков беспредметно»

Михаил Ершов: «Еще до кризиса две самые зрелые финансовые системы мира, Япония и США, 70–80 процентов монетизации базировали на целевой эмиссии под соответствующие бюджетные задачи»

Анатолий Аксаков: «Рефинансирование ЦБ должно быть длинным и относительно дешевым. Но для этого надо снижать риски в реальном секторе»

на конференции нашлись и защитники. Дадим слово всем.

Вот соображения академика Глазьева: «Стоимость рыночных кредитных ресурсов сегодня для ключевых отраслей, обеспечивающих индустриализацию — машиностроения и строительства, — выше нормы рентабельности. Кредитование развития фактически выключено из экономического механизма. Банковская система убога. Суммарный капитал всех российских коммерческих банков составляет 1,5 триллиона долларов, тогда как капитал каждого из крупнейших американских банков превышает эту величину: Citigroup — 1,9 трлн долларов, J. P. Morgan Chase — 2,3 трлн. Механизм рефинансирования фактически не работает, поддерживает только короткую ликвидность банков, но не транслирует ее в сторону реального сектора экономики. В этой ситуации наши крупнейшие предприятия уходят занимать за границу, тем самым повышая уязвимость нашей экономики от внешних шоков. Ежегодно Россия теряет 30–50 миллиардов долларов только на разнице в процентных ставках, когда ЦБ размещает резервы под низкие проценты за рубежом, а наши банки и корпорации занимают за границей по более высоким ставкам. Плюс сохраняется масштабный отток капитала. Понятно, что при такой

прозрачной финансовой границе никакая сколь угодно мощная система рефинансирования не сработает. Нужно отстраивать систему защиты и фильтров, чтобы выйти на требуемые нам параметры: норма накопления в ВВП — 35 процентов, темп роста инвестиций — 15–20 процентов годовых, вложения в НИОКР в отраслях нового технологического уклада — рост выше 30 процентов в год».

Заведующий отделом ИМЭМО РАН профессор Яков Миркин привел примеры быстрого наращивания мощности финансовых систем в периоды форсажа — резкого ускорения темпов экономического роста — Японии, Китая и некоторых новых индустриальных держав (Южной Кореи, Сингапура и Малайзии). Период форсажа сопровождался во всех этих странах быстрым увеличением монетизации — в 2–2,5 раза, до 80 и более процентов ВВП. Быстро росла и насыщенность кредитами. «Нынешние российские уровни монетизации — менее 50 процентов ВВП — и насыщенности кредитами — 35 процентов ВВП — не позволяют сопровождать высокий экономический рост, — заявил Миркин. — Все страны, совершавшие экономическое чудо, выходили на норму накопления от 30 до 40 процентов ВВП. В России только 21–23 процента. Процентные ставки в эпоху форсажа заметно снижались, в том чис-

ле с использованием административных рычагов. Речь идет не о субсидировании, а о таргетировании рыночного процента с использованием потолков процентных ставок и постепенного снижения уровня ставки рефинансирования».

Однако у некоторых участников дискуссии эти выкладки вызвали скептическое отношение. «Коэффициенты — коварная вещь, их можно трактовать очень по-разному, — предупредил Екатерина Трофимова из Газпромбанка. — Так, например, высокий показатель отношения кредитов к ВВП некоторыми трактовался как фактор положительный, как индикатор зрелости финансовой системы. В других же контекстах он может трактоваться негативно, как фактор значительной долговой нагрузки, существующей в стране. Поэтому, используя коэффициенты, всегда можно доказать то, что вам хочется».

Еще более непримирим оказался председатель правления АКБ «Инвестбанк», с 1992-го по 2000 год занимавший заметные посты в ЦБ РФ **Константин Корищенко**: «Разрывы в душевой выработке показывают отставание в производительности труда. Но почему предприятия соответствующих отраслей неэффективны, не инвестируют и так далее? Из-за плохой денежно-кредитной политики? Это спорно. Куда более важный фактор — неготовность собственников компаний вкладывать средства в активы, которые им принадлежат. Большинство занимается выкачиванием прибыли, а инвестировать в условиях текущей неопределенности, в общем-то, в массе своей не хотят. Ключевая проблема — отсутствие конкуренции».

Модератор конференции Фадеев возмутился: «Процентные ставки по кредитам сегодня зачастую превышают 30 процентов годовых. О какой конкуренции вы говорите? Никакой нормальный бизнес невозможно вести с такими ставками».

Однако это возражение не смутило банкира. «Согласен, — парировал Кори-

Примеры «Сибура» и «Полипластика» ясно показывают, как много в России накопилось работы с отраслями не то что шестого, и даже не пятого, а еще более старых технологических укладов. Их модернизация распространится на многие смежные отрасли. И общий технологический уровень отечественной экономики повысится

Юрий Сизов: «Государственно-частные проекты, реализуемые в форме концессии, оптимальны для инвестирования средств негосударственных пенсионных фондов»

щенко. — Но именно поэтому нужно бороться с инфляцией. Ведь посмотрите, из чего складывается кредитная ставка. Это депозитная ставка, складывающаяся по формуле “инфляция плюс”. На это еще накладывается маржа банка. Плюс премия за риск заемщика. Поэтому при нашей нынешней инфляции в 6–7 процентов ставка по кредиту ниже 13–15 процентов годовых в принципе не может существовать. Если она ниже, значит, кредитор не оценивает риски либо де-факто субсидирует заемщика. Пока мы не снизим инфляцию до уровня 2–3 процента годовых, существенного снижения кредитных ставок мы не добьемся».

«Дискутировать об удешевлении кредита для реального сектора экономики без удешевления ресурсов для банков беспредметно, — поддержала банкира Екатерина Трофимова. — Если только мы не хотим превратить наш банковский сектор в однонаправленную трубу по перекачиванию госсредств в реальный сектор экономики. И здесь одним снижением инфляции не ограничиться — необходимы многие институциональные изменения».

Фадеева аргументы не остановили: «9,46 процента годовых — текущий уровень депозитной ставки в крупнейших банках при инфляции 6,6 процента — это абсолютное безумие. Депозитная политика банков фундаментально ошибочна. В Европе депозитные ставки ниже инфляции (1,2–1,5 процента), и ничего, люди пользуются депозитами, депозиты растут».

Валерия Фадеева поддержал академик РАН Виктор Ивантер: «Депозитная ставка под 10 процентов — это бандитизм. Если я беру под 10, то дам кредит как минимум под 15, а тот, кто берет под 15, должен иметь доходность бизнеса не меньше 20 процентов. В случае малого бизнеса здесь есть только две возможности: или вы не платите налоги и, возможно, не платите даже зарплату, или вы торгуете наркотиками и девочками».

Виктор Ивантер: «Кредитные инспектора в банках, вообще говоря, должны иметь инженерное образование»

Дискуссию продолжил глава Ассоциации региональных банков «Россия» Анатолий Аксаков: «Решать проблему высоких кредитных ставок надо с двух сторон. Во-первых, ресурсы для коммерческих банков должны быть дешевле. Во-вторых, рефинансирование ЦБ должно быть длинным и относительно дешевым. Но для этого надо снижать риски в реальном секторе. Банки должны разработать стандарты кредитования, которые бы позволили ЦБ брать на себя риски».

Фадеева эта аргументация не убедила: «Анатолий Геннадьевич, мы обсуждаем другую гипотезу: возможно, если ставки будут ниже, то и риски будут ниже». Но г-н Аксаков остался тверд: «Если риски будут высокими, ставки ниже не станут».

Виктор Ивантер взглянул на проблему рисков с неожиданной стороны: «А банки вообще в состоянии кредитовать реальный сектор? Для того чтобы принимать на себя риски, надо хорошо разбираться в реальном бизнесе, в реальных проектах. Как минимум надо уметь отличать яму от котлована. Кредитные инспектора в банках, вообще говоря, должны иметь инженерное образование».

Екатерина Трофимова назвала ключевые различия в политике ведущих центробанков мира и российского ЦБ в период кризиса: «Общий объем активов центробанков — эмитентов ключевых мировых валют — США, Великобритании, еврозоны, Швейцарии и Японии — увеличился с 4 триллионов долларов накануне глобального кризиса (конец 2007 года) до почти 10 триллионов долларов сегодня и имеет тенденцию к дальнейшему росту в среднесрочной перспективе. В отличие от развитых стран российская банковская система испытывает дефицит рублевых ресурсов. Причины — значительный, хотя и замедляющийся в последние месяцы рост кредитования, особенно потребительского; изменение денежной политики, направленное на снижение валютных интервен-

Андрей Клепач: «Выживание АвтоВАЗа — это уже успех»

ций, и еще один важнейший фактор — абсорбирование ликвидности бюджетом вследствие поддержания профицита».

На неадекватность политики перенакопления бюджетных резервов указал и академик Ивантер: «В денежно-финансовой политике мы делаем странные вещи. У Минфина есть деньги, но что он с ними делает? Он последовательно наращивает Резервный фонд, превращая его в своего рода “линию Мажино”, которая, по его мнению, способна защитить нас от кризиса. Но не будем забывать, что немцы в 1940 году не стали ее штурмовать, а спокойно обошли через Бельгию. Резервный фонд не застраховал нас от масштабного спада в 2009 году. Да, нефтегазовые, то есть нерегулярные, зависимые от конъюнктуры, доходы не могут быть основой для регулярных расходов. Но версия: единственное, что можно делать с нерегулярными доходами, это складывать их в кубышку — глупость».

Конкретную конфигурацию новой денежной политики, ориентированной на экономический рост, представил Сергей Глазьев: «Первый поток денег через механизм рефинансирования должен направляться в коммерческие банки с регулированием ставки рефинансирования, которая в нынешних условиях не должна превышать 4 процентов годовых. Второй поток — длинные (на 10–15 лет) кредиты институтов развития под 2 процента годовых в проекты развития инфраструктуры, соответствующие новому технологическому укладу. Но этого недостаточно. Нужно убедиться, что деньги доходят до реального сектора, — требуется обратная связь. Во-вторых, мы должны быть уверены, что деньги идут в перспективные направления, то есть нам нужна система стратегического планирования. И в-третьих, нам важно понимать, что деньги не уходят за рубеж. Опыт масштабного применения рефинансирования во время кризиса 2008 года показал, что львиная доля из 2

Мирон Гориловский: «Перевод ЖКХ на совершенно новый экономический и технологический уклад — единственный способ повысить эффективность вложений»

Алексей Филипповский: «Высокая цена импортных полимеров ограничивает их использование в целом ряде отраслей хозяйства»

Максим Соловьянов: «Мир нуждается в старых русских, которые способны на фундаментальный и интегральный креатив»

триллионов рублей, напечатанных ЦБ под спасение банковской системы, не дошла до реального сектора, а ушла в валютные спекуляции, породила новый виток турбулентности в нашей экономике, значительное падение курса рубля. Нам нужно менять трансграничные взаимоотношения, ужесточать валютное регулирование».

Видение Глазьева идеологически смыкается с принципами формирования длинных ресурсов ликвидности за рубежом, которые обрисовал в своем выступлении вице-президент Росбанка **Михаил Ершов**: «Еще до кризиса две самые зрелые финансовые системы мира, Япония и США, 70–80 процентов монетизации базировали на целевой эмиссии под соответствующие бюджетные задачи. Технически это откуп государственных ценных бумаг на баланс центрального банка. В кризис такая практика активизировалась. Эмиссия под целевые структурные задачи государства даже получила специальное название — денежно-промышленная политика, monetary-industrial policy, или сокращенно mondustrial policy. Длина ресурсов там от 5 до 30 лет».

Чуть приземлил дискуссию заместитель гендиректора УК «Лидер» **Юрий Сизов**, рассказавший об опыте организации инвестиций в инфраструктурные проекты уже сегодня, до желаемой глобаль-

ной перестройки финансовой политики государства: «Инвестирование в инфраструктурные объекты путем реализации концессионных соглашений — новое направление инвестирования, которое может осуществляться через выпуск облигаций с доходностью, индексируемой по инфляции, под обеспечение платежами по инвестиционной части тарифа. При реализации инфраструктурных проектов в тарифицируемых видах деятельности, как правило, не возникает дополнительной нагрузки на бюджет — возврат инвестиций осуществляется за счет платежей потребителей. Бюджетные платежи возможны лишь в случаях компенсации недополученного концессионером дохода либо для ограничения роста тарифа, в течение всего срока действия концессионного соглашения будут возвращать вложенные средства и получать доход. Государственно-частные проекты, реализуемые в форме концессии, оптимальны для инвестирования средств негосударственных пенсионных фондов. Это наглядный пример того, как пенсионные деньги могут приносить пользу России, развивая инфраструктуру страны и улучшая качество жизни населения».

Подвел итог «денежной» части дискуссии Валерий Фадеев: «В период экономического роста в России с 1999-го по 2008 год скорость увеличения денежной

массы превышала динамику номинального ВВП в среднем на 15 процентов. Это было естественное состояние экономики. Экономика усложнялась, а сейчас она упрощается, потому что денежная масса сжимается. Зачем мы сломали механизм денежного расширения, действовавший в нашей собственной стране? Под предлогом, что деньги у нас есть, но бизнес плохой? А предыдущие девять лет он был хороший?»

Индустриализация как мифология

Вместо заключения мы решили представить необычный взгляд на промышленную политику, продемонстрированный в выступлении **Максима Соловьянова**, генерального директора компании «Новые сетевые технологии». Этот предприниматель поставил перед собой нетривиальную задачу: построить «умную» энергосеть (технология smart grid) в отдельно взятом регионе России — одном из районов Краснодарского края. В устах, казалось бы, прожженного технократа эти слова весьма показательны: «Реализуя свой проект, мы столкнулись с тем, что японские и американские коллеги из Intel, Mitsubishi, Cisco Systems верят в нас, в наш проект больше, чем наши соотечественники. Они говорят нам: хватит вам быть новыми русскими, мир нуждается в старых русских, которые способны на фундаментальный и интегральный креатив. Это то, чего нет ни в американских, ни в японских компаниях. Поэтому я думаю, что помимо всех мер, которые тут обсуждались, важно давать стране образцы и прецеденты, которые могут тиражироваться. В свое время в Сочи провели опрос среди школьников — кем бы вы хотели быть. И большинство сочинских школьников ответили: «Отдыхающим». Нам надо сделать так, чтобы наши дети видели масштабные, серьезные проекты, соответствующие масштабам нации».

■ Фото Олега Сердечникова

В период экономического роста в России с 1999-го по 2008 год скорость увеличения денежной массы превышала динамику номинального ВВП в среднем на 15 процентов. Это было естественное состояние экономики. Экономика усложнялась, а сейчас она упрощается, потому что денежная масса сжимается